

ПОПЫТКА ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕОШТОКАВСКОГО АКЦЕНТНОГО СДВИГА

Т. М. Николаева

I

Как известно, в современном литературном сербско-хорватском языке различаются четыре "тоновых" акцента с нормативно различным их воспроизведением. Изучение их фонетической сути занимает исследователей уже около двух веков, однако, после бурных и ярких дискуссий, а также после выхода в свет фундаментальных исследований И. Лехисте и П. Ивича (см. особенно Lehiste, Ivić, 1986), фонетическое описание четырехакцентной сербско-хорватской системы оказалось – не без некоторого компромисса – в принципе возможным.

Существуют акценты нисходящие: долгий [ː] и краткий [˘]. Они возможны только на первом слоге слова. Существуют также акценты восходящие: долгий [ˑ] и краткий [˗]. Эти акценты не могут располагаться на первом слоге. Таким образом конец сербскохорватского слова как бы "очищен" от возможного акцента. Восходящие акценты возникли в результате неоштокавского передвижения на слог вперед к началу слова. Фонетические характеристики акцентов определяются по отношению к трем ведущим акустическим параметрам следующим образом. Интенсивность слога под нисходящим акцентом значительно выше слога, идущего за ударным. При восходящих акцентах этот разрыв значительно меньше. Длительность слога под ː может быть выше, чем длительность слога под ˑ (но в зависимости от разных обстоятельств это может меняться); длительность слога под ˗ несколько выше, чем у слога под ˘ (но и здесь возможны колебания).

Первоочередным релевантным признаком различения акцентов И. Лехисте и П. Ивич считают отношение уровней основного тона [F₀] между слогами, образующими дисиллабическую акцентную структуру (Lehiste, Ivić, p. 170). В слогах под восходящим акцентом тон поднимается от начала слога до пика F₀, который иногда осу-

ществляется и в постакцентной силлабеме. Интенсивность второго слога также бывает часто равна интенсивности ударного. В слогах под нисходящим акцентом F₀ пик близок к началу слога, и после этого пика осуществляется резкое падение (запись сделана в апреле 1990 г.). Фонетически эти выводы вполне соответствуют знаменитой идее Л. Мазинга 1876 г., предположившего двусложность строения для восходящих акцентов (Masing, 1876). Более того, он предположил также, что речь идет вообще об одной фигуре: подъем-падение, передвигающейся по слову – в структуре с нисходящими акцентами возможность для осуществления первой части нулевая, в структуре же с восходящими акцентами вторая часть реализуется в постударном слоге.

Споры о двусложности-односложности сербскохорватских акцентов все еще остаются актуальными (см. Gošić, 1984; Keijsper, 1987; Gvozdanović, 1987 etc). Более того, проблемным является не только вопрос описания (например, считать ли двусложными нисходящие акценты или нет), но и вопрос перцептивного статуса акцентной реализации. Так, слушатели с Запада воспринимали в основном пик F₀ ударного слога, слушатели с Северо-Востока – переход между слогами в дисиллабической структуре (Lehiste, Ivić, p. 170). Таким образом, оказывалось, что они в принципе слышали разные акценты. Наконец, многие диалекты сербско-хорватской зоны (об этом ниже) не осуществили перехода (сдвига) на слог к началу слова, и реализация акцентов в этих говорах может в принципе осуществляться в пределах одного ударного слога.

II

Старая штокавская акцентуация знала два акцента: долгий и краткий. К XV в. два старых акцента не в начале слова: ː и ˘ перешли на слог к началу слова и создали / и ˘.

Почему это произошло? "Зашто је удовица, селò, пìсати, девојка, неправда, рѹком, планина и сл. дало: удòвица, сèло, пìсати, дèвојка, нèправда, рѹкòм, планина?" (Белић, 1960, с. 160). Как считает А. Белич: "Одговор је врло прост". Тон на ударных ː и ˘ не в начале опадал, понижалась и частота, и интенсивность. П. Ивич дает фонетическую трактовку акцентного сдвига: противопоставление ударений по качеству, которое возникло на первом слоге, явилось лишь компенсацией за потерянную возможность акцентировки последнего слога (Ивич, 1958, с. 19). В более поздней статье И. Лехисте и П. Ивич (Lehiste, Ivić, 1982) показывают сложность и многоэтапность штокавского акцентного сдвига. В частности, неоштокавский сдвиг, по их описанию, на первом этапе развивал

более высокую F_0 и большую интенсивность на первом предупредительном слоге. Повышение этих двух важных для ударения характеристик привлекло к предупредительному (становящемуся ударным!) две другие необходимые характеристики ударения: темпоральное prolongation и переход к полному, а не редуцированному воплощению гласного. В дальнейшем необходимость различать "старые" инициальные акценты и акценты, сдвинутые к началу, привела к перестройке в суперсегментной системе языка: арена акцентной реализации сместилась с односложной на двусложную структуру (Lehiste, Ivić, 1982, p. 200). Их исследование части чакавских и кайкавских акцентов демонстрирует как бы состояние штокавских диалектов перед сдвигом, диалекты Славонии осуществляют множество переходных этапов.

III

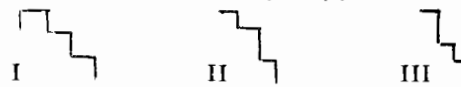
В настоящей статье со всеми возможными оговорками и оглядками дается попытка ответить (или хотя бы попытаться ответить) на вопрос о том, почему собственно произошел нештокавский сдвиг, что было его фонетической и социоисторической предпосылкой.

Опорными данными для нашей гипотезы являются: 1) сведения о просодических системах сербско-хорватских диалектов (Foploški opisi, 1981); 2) собственные экспериментальные данные, полученные в результате исследования просодии слова в славянских языках и неславянских языках БЯС; 3) введение в просодическую сферу знания новой для акцентологии и фонетики структуры – просодической схемы слова (Николаева, 1977; Nikolajeva, 1983); 4) перемещение внимания с частотных изменений (разумеется, не пренебрегая ими) на показатели длительности, темпоральные характеристики.

Просодическая схема слова не дана в непосредственном восприятии графической акцентологии, имеющей дело с графическими знаками – обычно показателями ударения (и это перцептивно объяснимо и неизбежно, как будет показано далее). Просодическая схема не дана в непосредственном виде и в экспериментальных результатах, поскольку всякое изолированное слово неизбежно воспроизводится в упаковке фразовой интонации. Но она может быть довольно легко выведена путем внутренне реконструктивных построений и существует с такой же объективностью, как аналогичные конструкторы физики.

Поясним сказанное. Например, если слово структуры *tátata* в языке X имеет акцентные показатели в условных единицах:

15–10–5, слово *tatáta* – показатели 12–11–5, а слово *tatata* – 12–10–7, то можно предположить, что слово в данном языке обладает сильным по пику интенсивности началом и понижающейся акцентной кривой, которая модифицируется под ударением:

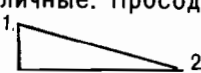

Наконец, если эти показатели сохраняются во фразовом потоке, мы можем говорить о слабом воздействии фразовой интонации на словесную в данном языке, если не сохраняются – о сильном. Далее, сама тенденция выражать ударение в данном языке может быть сильной и слабой. Так, например в другом языке *tatata* может иметь показатели: 20–10–5, *tatata* – 12–13–5, *tátata* – 12–10–10 (ударение сильнее, чем в языке X). Сказанное относится и к выражению ударения через длительность: (в мсек) *tátata* – 100–40–80; *tatáta* – 70–80–80; *tatata* – 70–80–120. Тогда можем говорить о t-параметре просодической схемы слова как стремящейся к конечному увеличению.

Помимо этого, каждый язык ориентируется в своем выборе на тот или иной акустический параметр для выражения словесного ударения: таким образом существуют f-преферентные, i-преферентные и t-преферентные языки.

Итак, помимо просодической схемы слова необходимо считаться еще со следующими факторами:

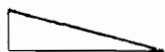
1. Какой параметр для выражения словесного ударения: длительность, интенсивность или частоту предпочитает данный язык.
2. Сильна или слаба в данном языке тенденция выражать словесное ударение.
3. Сильно или слабо в данном языке фразовая просодия подавляет словесную.

В связи со сказанным необходимо прояснить идею соотношения в излагаемой теории просодической схемы слова и ударения. В принципе – это феномены параллельные и различные. Просодия слова в излагавшемся варианте выглядит как где 1-тах интенсивности, а 2-тах длительности. Ударение же как бы налагается на эту схему (фиксированное ли оно или разноместное – это особая тема).

Выведение по разным основаниям феноменов ударения и просодической схемы, как представляется, дает возможность для более широких интерпретаций диахронического характера. Прежде, чем переходить к ним, необходимо завершить изложение теории положением о статусе ударения, который нами в первую очередь связывается с перцепцией и тем самым – с фонологиза-

цией, по Н. С. Трубецкому и Р. О. Якобсону. Ударение есть то, что слышно всем и всеми может быть в таком качестве идентифицировано. Это — факт интроспективного языкового метасознания (возможно, эволюционно неранний). Сильные же точки просодической схемы не осознаются как ударные, но расположенные на них сегментные цепи (слоги) слышатся (воспринимаются) лучше других. Если их максимумы еще усиливать, то эта увеличенная "слышимость" пройдет через тот порог перцепции, после которого слог уже воспринимается как ударный. Таким образом, эти сильные точки схемы акцентогенны. Такой возможный стык двух разных феноменов снимает во многом частые для диахронии дискуссии о том, было или не было в данном языке ударение на первом слоге (для латинского языка см. об этом Николаева, 1989), потому что в начале располагались корневые морфемы, потому что фонетика начала (или конца) слова иная. Здесь речь может идти не об ударении, а о сильных точках начала и конца слова. Если ударение в другом месте (см. работы В. А. Дыбо) исчезает, то эти сильные акцентогенные точки могут компенсаторно усиливаться и начать восприниматься как ударные. Но говорить о "переносе" ударения в таком случае некорректно.

VI

Приведенная выше схема как будто бы считалась (в сформулированном виде она излагается именно в указанных работах автора, но соответствующие данные известны давно) одной из просодических универсалий (см. Lehiste, 1970 — об английском, Rigault, 1970 — о чешском и французском, Скупас, 1966 — о литовском и др.). Однако данные тюркских языков как будто бы свидетельствуют о повышении акцентной кривой к концу слова (примеры до 1977 г. см. в работе: Николаева, 1977, с. 63 и далее). Так, например, А. Орусбаев (Орусбаев, 1971, с. 8) пишет: "Если для русского языка типично увеличение интенсивности в направлении к началу слова, то для киргизского, напротив, характерно повышение интенсивности к концу слова. Подобное явление наблюдается и в другом тюркском языке — в азербайджанском". В целом это для тюркских языков подтверждают Д. А. Павлов, Т. С. Есенова (Павлов, Есенова, 1986), именно считая, что тюркские языки и отличаются от индоевропейских повышением интенсивности к концу слова. Очень важно их замечание о том, что трудно сказать, является ли это повышение интенсивности признаком именно ударности. Оказывается (Указ. соч., с. 150), что слово с начальным ударением может также иметь восходящую акцентную кривую, а ударность

выражать другими средствами. См. также примыкающую к нашим взглядам позицию А. Джунисбекова (Джунисбеков, 1988) о том, что ударение есть факт не фонетики, но фонологии. Сложности в иногда противоречивых по этому поводу показаниях тюркских языков Р. Бирюкович (Бирюкович, 1986, с. 112) объясняет гипотезой о том, что тюркоязычный акцентный тип с ударением на последнем слоге накладывался на субстратный акцентный тип, где ударным был гласный первого слога.

Существенно, что в тюркских языках отмечено повышение интенсивности к концу слова, т. е. иная просодическая схема слова. Существенно и то, что такой феномен может оказывать влияние на контактные языки. Так, например, в славянском языке БЯС, болгарском, Д. Тилков (Тилков, 1983) отмечает и такие предсказуемые случаи как *расист* (25–10); *дъдрѝ* (32–25); *плчѝф* (35–20), но и такие как *пѝпа* (18–20); *пѝша* (18–22); *пеперѝда* (10–35–20–25), где явно имеет место восхождение акцентной кривой к концу.

Максимальность конца слова по длительности так подробно не рассматривалась. Конкретные наши исследования по теме "Просодия БЯС" показали, что в румынском языке длительность более всего увеличена в структуре — —, затем в конечноударном слоге и менее всего — в начальнoударном. Т. е. схема *t* предсказуема. Но уже система новогреческого слова предстает необычной: *t* и *i* очень близки в ней по показателям как в начале: — — (где $t/i = 47,2/50\%$). — — ($t/i = 47,2/52,7\%$) так и в конце: — — ($t/i = 35/35\%$): $\acute{\alpha}\mu\eta$ (D_1): $i = 4,5 : 5,5$; $t = 200 : 190$; $\acute{\alpha}\mu\eta$: $i = 3,5 : 4,5$; $t = 200 : 160$; $\acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha$: $i = 5 : 3,5$; $t = 140 : 140$; $\acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha$: $i = 2,5 : 3,5$; $t = 180 : 160$. Таким образом обнаруживается стремление к почти равному по длительности балансу начала и конца слова.

Разница между левоориентированностью и правоориентированностью *t*-параметра хорошо демонстрируется на примере двуслогов албанского и болгарского языков. Пары различаются местом ударения (приводятся данные в мсек). Албанский: *ármë* ($D_1 - 240$; $D_2 - 220$), *armë* ($D_1 - 210$, $D_2 - 150$), *átë* ($D_1 - 190$, $D_2 - 240$), *atë* ($D_1 - 180$, $D_2 - 170$). Болгарский: *áрка* ($D_1 - 180$, $D_2 - 160$), *арка* ($D_1 - 220$, $D_2 - 180$); *бѝча* ($D_1 - 120$, $D_2 - 140$), *буѝа* ($D_1 - 200$, $D_2 - 180$).

Существенны таким образом два вывода:

- 1) в просодической схеме слова акцентная кривая и распределение длительности не являются связанными, но свободными феноменами; их комбинации могут варьироваться;
- 2) феномены просодической схемы слова могут влиять на контактные языки и видоизменять их схему.

В. Вермеер в статье, посвященной так называемому "прогрессивному сдвигу" резьянского диалекта (нисходящего акцента) наметил шесть этапов этого перехода (Vermeer, 1987), который, строго говоря, представляет собой движение, обратное нештокавскому сдвигу, т. е. движение от начала слова. Существенно то, что он включает в это движение не только словенские, но и чакавские, штокавские и кайкавские говоры сербско-хорватского языка. Эти этапы следующие:

- 1) переход ударения со слабых еров на открытые конечные слоги (*syŕŏ*),
- 2) со слабых еров на последующие слоги вообще (*sy bŏgomь*),
- 3) с гласных полного образования в многосложных словах (*sirŏtg*),
- 4) с гласных полного образования в двуслогах с закрытым вторым слогом, не содержащих слабого ера между первым и вторым слогом (*oblâkь*),
- 5) с гласных полного образования в двуслогах с конечным закрытым слогом, содержащих слабый ер между первым и вторым слогом (*nabьrâŕь*),
- 6) с гласных полного образования в двуслогах на открытый второй слог (*očŕ*) (Vermeer, 1987, p. 296).

Иными словами, в словенско-сербско-хорватском ареале происходило, по нашей терминологии, усиление конечной зоны слова. Но, как указывает В. Вермеер, в чакавском и штокавском процесс этот прервался после этапа (1), в кайкавском и резьянских говорах – после этапа (2).

К сожалению, неясно, когда же именно с.-хорв. говоры прекратили это движение вправо.

Богатый материал по *t*-параметру просодической схемы слова дает описание современных сербско-хорватских, словенских и македонских говоров по системе ОЛА (Fonološki opisi, 1981).

Какие возможны, например, варианты среди чакавских говоров:

1. (Žminj; Sali)
Безударная долгота возможна только в слоге перед ударным; акцент может быть в любом месте слова; тоны различаются только в долгих; в слове может быть два долгих: ударный и претоник.
2. (Kres)
Долгие возможны только под ударением; тон фонологически нерелевантен;

акцент может быть в любом месте слова; долгий в открытом конечном слоге может укорачиваться до квантитета краткого.

См. также для этого же региона описание системы Орлец (Houtzagers, 1985), где нет фонологических долгот и только ударные могут быть долгими/краткими, и лишь долгие различают тон. В более ранней работе П. Хоутзагера отмечает для этого же ареала (Houtzagers, 1982) поразительное для слуха многообразие долгих акцентов, не доходящее до того, чтобы все же смешиваться с краткими. В работе о екавских диалектах Креса и Лошинь (Houtzagers, 1984–5) он окончательно приходит к выводу об отсутствии там фонологических безударных долгот. К этой же системе примыкают Трогир, Чемба.

3. (Dobrinj)

Все гласные могут быть долгими и краткими; фонологически релевантного тона нет; дистрибуция ударения и квантитета в слове свободная – вплоть до последнего слога; важно, что может быть несколько долгих подряд.

4. (Komiža)

Слоги могут быть долгими (полудолгими) и краткими; акцент может быть на любом слоге; если есть акцент, то не может быть безударной долготы.

5. (Lastovo)

Все слоги могут быть долгими и краткими; восходящий тон не может быть на последнем слоге; долгими могут быть три слога подряд: ударный, претоник и посттоник.

6. (Štinjaki)

Долгие безударные могут выступать только перед слогом с кратким ударным и перед слогом с нисходящим акцентом; в последнем слоге возможна только нисходящая интонация.

7. (Pajngri)

Долгота может быть только после ударного.

Такова пестрота долготной системы чакавских говоров, демонстрируемая хотя бы только вышеприведенными примерами. В кайкавских говорах все же заметно некоторое изменение *t* параметра слова.

1. (Močila; Domagović)

Ударный может быть долгим и кратким; безударный всегда краток; краткий ударный не бывает на конце многосложного слова.

2. (Domaslovec; Začretje)

Долгие и краткие гласные могут быть ударными и безударными;

долгий безударный располагается непосредственно перед ударным;

в акцентной единице может быть только одна долгая.

3. (Cubinec)

Краткие гласные могут быть ударными и безударными;

долгие могут быть только ударными;

на последнем слоге может быть только долгий.

И т. д.

Таким образом выявляется для чакавских и кайкавских диалектов разнообразие t- систем, основывающееся на следующих корреляциях квантитета и ударения:

I. Квантитет

1. Ударный – всегда долгий и наоборот.

2. Ударный может быть и кратким, и долгим; безударные всегда краткие.

3. Ударный всегда долгий, а безударные могут быть любыми.

4. Безударный может быть долгим перед ударным, если ударный краток.

5. Безударный может быть долгим перед ударным в любом случае.

6. Безударный может быть долгим только после ударного.

7. Безударный может быть долгим и перед ударным, и после него; в слове возможен продленный трехсложный кортеж.

II. Место ударения

1. Может быть любым.

2. Не может быть конечным.

3. Зависит от типа акцента.

Более подробное исследование должно показать, являются ли комбинации всех указанных возможностей свободными или имплицитивносвязанными.

Еще более сложно-разнообразными представляются долготно-ударные структуры штокавских наречий.

1. (Trnovac; Otok)

Все гласные могут быть долгими и краткими;

в словах без восходящего тона ударение автоматически падает на первый слог;

восходящий тон может быть и на конечном слоге, и в односложных словах;

долгие безударные могут идти только после ударения.

2. (Mala Peratovica; Valpovo; Guber; Drvetine; Dobretiči; Tramošnica)

Восходящий тон может быть на любом слоге, кроме последнего и в односложных словах;

долгие могут быть под ударением или быть посттоником.

3. (Kruš)

Все акценты могут стоять на любом слоге;

долгие могут быть ударными, быть предударными, быть постударными.

4. (Vijaka)

Все слоги могут быть долгими и краткими;

ударные могут быть долгими и краткими;

восходящий тон не может быть на последнем слоге и в однословах;

долгие безударные могут быть и претониками и посттониками.

В одном слове могут быть ударными два контактных слога, таким образом, что первый – носитель восходящей, а второй – нисходящей интонации: *zèlǎ; vù:kù; pé:tàk*.

5. Все синлабемы могут быть долгими и краткими, акцентированными и неакцентированными;

в просодической единице может быть два долгих слога.

Однако долгий безударный может быть перед ударным только в предшествующем слоге (*ka:zàli; pi:tàli*), тогда как после акцента он может реализоваться на любом слоге (*kazí:vo; pòra:la; sùncokre:t*)

Не перебирая все возможности до конца, можно убедиться, что сербско-хорватские говоры демонстрируют тенденцию к долготному усилению словесного анлаута. Только в чакавских и кайкавских говорах это выразилось в усиленной долготе предударного слога, а в штокавских – в постударной долготы. Примечательно, что и в русском языке, сохранившем исконное место ударения, хорошо известен факт активного продления предударного в словах типа *водá*.

Трудно, хотя и соблазнительно говорить о том, случайно ли нештокавское перемещение к началу совпало с увеличением контакта с тюркским, хотя неслучайно демонстрировалась выше особенность просодической схемы слова в тюркских языках. Впечатление, что сложным движением долготы в просодической схеме слова была охвачена вся зона Балкан. Однако дать точные топохронологические датировки слишком сложно.

Фонетически же в этом регионе широко осуществлялось долготное равновесие двух контактных слогов. В одном случае пер-

вый из них так и оставался первым предупредительным. В другом – его долгота перешагивала порог перцепции, необходимый для фонологизированного ударения, т. е. восприятия сильной просодической точки именно как ударения, и этот слог становился “ударным”, а второй в этом долготном кортеже – долгим посттоником. Это движение, безусловно ориентированное к началу слова, и было той причиной, которая приостановила для с.-хорв. говоров движение регрессивного, т. е. правоориентированного сдвига, о котором писал В. Вермеер и который полностью осуществил словенский язык.

Таким образом мы считаем основой акцентного сдвига долготное дисбалансирование t-параметра просодической схемы слова. Прояснение долготы до перцептивного порога ударности и сделало этот слог “ударным” и в свою очередь “прояснило” движение тона на нем, не выделив в слове этот новый ударный настолько, чтобы он оторвался от своего контактного соседа-посттоника. В результате этого образовалась, как писал еще Л. Мазинг, двусложная структура восходящих акцентов.

Сокращения

Белић, 1960 – Белић А. Основи историје српскохрватског језика. I. Фонетика. Београд, 1960. **Бирюкович, 1986** – Бирюкович Р. М. Типологическая характеристика чувлымско-тюркской акцентуации. – Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986. **Джунисбеков, 1988** – Джунисбеков А. Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского слова. АДД. Алма-Ата, 1988. **Ивич, 1958** – Ивич П. Основные пути развития сербохорватского вокализма. – ВЯ, 1958, № 1. **Николаева, 1977** – Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977. **Николаева, 1989** – Николаева Т. М. Фонетическая природа греческого и латинского ударения: преемственность, эволюция, скачок? – Палеобалканистика и античность. М., 1989. **Орусбаев, 1971** – Орусбаев А. Киргизская акцентология. Опыт экспериментально-фонетического исследования ударения в слове и во фразе. АДК. М., 1971. **Павлов, Есенова, 1986** – Павлов Д. А., Есенова Т. С. Фонетическая характеристика и фонологический статус гласных калмыцкого и монгольского языков. – Фонетика народов Сибири. **Скупас, 1966** – Скупас А. И. О роли длительности в физической природе ударения современного французского языка. – Материалы коллоквиума лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи. II. Вильнюс, 1966. **Тилков, 1983** – Тилков Д. Някои наблюдения върху промените на интензитета при ударените и неударените гласни. – Тилков Д. Изследвания върху българския език. София, 1983. **Fonološki opisi, 1981** – Fonološki opisi srpskohrvatskih / hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedoskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981. **Gošić, 1984** – Gošić N. O takozvanom dvostrukom akcentu u srpskohrvatskim govorima. – Crnogorska Akademija Nauka i Umjetnosti. Radovi sa naučnog skupa 12–13 maja 1983, Titograd, 1984. **Gvozdanović, 1987** – Gvozdanović J. Remarks on production and perception of standard Serbo-Croatian tonal accents. – Dutch studies in South Slavic and Balkan linguistics, Amsterdam, 1987. **Houtzagers, 1982** – Houtzagers H. P. Accentuation in a few dialects of the island of Cres. – South Slavic and Balkan linguistics. Amsterdam, 1982. **Houtzagers, 1984-5** – Houtzagers H. P. Vowel systems of the ekavian dialects spoken on Cres and Lošinj. – Zbornik Matice Srpske za filologiju i ling-

vistiku, XXVII–XXVIII, Novi Sad, 1984–1985. **Houtzagers, 1985** – Houtzagers H. P. The čakavian dialect of Orlec on the island of Cres, Amsterdam, 1985. **Keijsper, 1987** – Keijsper C. E. Studying Neoštokavian Serbo-Croatian prosody. – Dutch studies in South Slavic and Balkan linguistics, Amsterdam, 1987; Keijsper C. E. Remarks on production and perception of standard Serbo-Croatian tonal accents: a reply. – Ibidem. **Lehiste, 1970** – Lehiste I. Suprasegmentals. Cambr. – Mass. – L., 1970. **Lehiste, Ivić, 1982** – Lehiste I., Ivić P. The phonetic nature of the Neo-Štokavian accent shift in Serbo-Croatian. – Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science, IV. Amsterdam, 1982. **Lehiste, Ivić, 1986** – Lehiste I., Ivić P. Word and sentence prosody in Serbo-Croatian. Cambr. – Mass. – L., 1986. **Masing, 1876** – Masing L. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents (= Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, VII série, T. XXIII, № 5). St. Pétersbourg, 1876. **Nikolayeva, 1983** – Nikolayeva T. M. Slavic word stress and its acoustic realization. Preprint of 10-th International Congress of phonetic sciences. M., 1983. **Rigault, 1970** – Rigault A. L'accent dans deux langues à accent fixe: le français et le tchèque. – Prosodic feature analysis. Montréal – Paris – Brussel, 1970. **Vermeer, 1987** – Vermeer W. The treatment of the Proto-Slavic falling tone in the Resian dialects of Slovene. – Dutch studies in South Slavic and Balkan linguistics. Amsterdam, 1987.